

Николай Александрович Головин

доктор социологических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.golovin@spbu.ru

«Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем»: влияние критики Н. И. Кареева на теоретическую основу «Системы социологии» П. А. Сорокина

УДК: 316.224; 316.246; 316.275

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12005

Теоретико-поведенческая социология является российско-американским научным «совместным предприятием» начала XX в., к которому молодой социолог П. А. Сорокин попытался присоединиться, опубликовав сочинение «Система социологии». Сочинение было поддержано автором теории коллективной рефлексологии физиологом В. М. Бехтеревым. Авторитетным историком и социологом Н. И. Кареевым было подготовлено две журнальных рецензии на книгу Сорокина и два развернутых устных выступления о ней с поддержкой предложенной системы социологии, но с критикой половинчатой научной позиции автора, выраженной в неудачной попытке реализовать на основе рефлексологии разработку теории социального поведения. Н. И. Кареев критикует систему социологии Сорокина за увлечение коллективной рефлексологией как теоретическим основанием социологии. В наиболее подробной рецензии «Системы социологии» П. А. Сорокина, подготовленной осенью 1920 г. и прочитанной в форме устного доклада на заседании Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского, доказано, что научная позиция автора противоречива, спорна, не вполне логически последовательна. Кареев раскрыл методологические колебания автора-социолога между рефлексологией и субъективной психологией. Детально прослежено влияние Бехтерева и Кареева на теоретическую позицию Сорокина в дальнейшем. В качестве этапов отхода Сорокина от рефлексологии под влиянием Н. И. Кареева рассматриваются книги Сорокина «Современные социологические теории» (1928) и «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). В итоге реконструирован важный недостающий фрагмент истории теоретической социологии, включая обращение автора во втором издании «Системы социологии» (1923) к одному из идейных лидеров немецкой социологии Л. фон Визе. Дается современная теоретико-социологическая оценка рассмотренного фрагмента истории теоретической социологии.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин, Л. фон Визе, коллективная рефлексология, история социологии, общая социология, теория социального поведения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00451 «П. А. Сорокин и немецкая социология: личные контакты и история взаимного влияния (1923–1957)». Автор признателен профессору Санкт-Петербургского государственного университета И. Б. Микиртумову за консультации по вопросам логического анализа теорий.

Вводные замечания

Интерес к классическому периоду институционализации социологии в России растет. Среди важнейших, но малоисследованных научных движений того периода — разработка основ теоретико-поведенческой социологии, одного из ведущих направлений в современной теоретической социологии. Оно возникло как в американском, так и в российском бихевиоризме начала XX в. и представляет собой своего рода российско-американское совместное научное предприятие.

В статье рассматривается один из фрагментов этого научного движения — дискуссия между начинающим социологом П. А. Сорокиным, известным физиологом акад. В. М. Бехтеревым и выдающимся историком и социологом Н. И. Кареевым о книге Сорокина «Система социологии» (1920) и влиянии высказанных замечаний на научную позицию автора названной книги. Все участники полемики — члены Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского.

Публикаций об этом немного. Одна из журнальных статей по этой теме опубликована в 2016 г. И. В. Сидорчуком [Сидорчук, 2016]. В ней названная полемика оценивается как острый конфликт Сорокина и Бехтерева. Доказательство наличия конфликта основано на отчасти критическом отзыве Сорокина о рефлексологии Бехтерева в статье 1922 г.: «“Коллективная рефлексология” академика В. М. Бехтерева, большой том, представляющий попытку “объективного” изучения социальных проблем. Задание ценное и верное, но выполнение совершенно неудачное. Вторая часть книги — в корне ненаучна, первая содержит ряд ценных глав», — так высказался Сорокин о коллективной рефлексологии Бехтерева [Сорокин, 2000, с. 24]. Упомянутый в исследовании И. В. Сидорчука факт конфликта Бехтерева и Сорокина вызывает сомнение и не подтверждается дальнейшими исследованиями полемики Сорокина, Бехтерева, а также Кареева (см., например: [Золотарев, 2013]).

В центре внимания предлагаемого историко-социологического исследования находятся не личностные или политические факторы, а научная проблематика дискуссии о рефлексологии как основе теоретико-поведенческой социологии с участием вышеназванных теоретиков. Предполагается, что решающее значение в изменении отношения Сорокина к рефлексологической методологической позиции, предлагаемой Бехтеревым для социологии и поначалу воспринятой Сорокиным, имеет влияние убедительных критических замечаний Кареева, высказанных в его рецензиях на «Систему социологии». В связи с этим анализируются пока еще малоизученная развернутая рецензия Кареева на эту книгу¹ и тезисы Кареева на пу-

¹ Здесь и далее Кареев цит. по: [Долгова, 2014].

бличном диспуте о ней 22 апреля 1922 г.² Именно они проливают свет на предполагаемое влияние Кареева на научную позицию Сорокина. В отличие от современных историков науки эти материалы были известны Сорокину в устной форме с момента их оглашения Кареевым. Поэтому они являются важными недостающими фрагментами истории русской поведенческой социологии, особенно в вопросе ее отделения от психологии. В раскрытии их значения состоит цель данной статьи. В ней доказывается, что методологическая критика Кареевым «Системы социологии» Сорокина имеет решающее значение для его последующего постепенного отхода от рефлексологической теоретической позиции в социологии. Исходным пунктом доказательства этого предположения является факт противоречивости методологической позиции самого Сорокина в «Системе социологии», его колебаний между «субъективной» и «объективной» психологией (в терминах дискуссии того времени) как основанием социологии, выявленных одновременно Бехтеревым и Кареевым, другими положительными и отрицательными рецензиями на указанное сочинение Сорокина. Конечным пунктом доказательства — начало сотрудничества Сорокина с одним из видных социологов Веймарской республики Л. фон Визе по более широкой проблематике институционализации теоретической социологии.

Влияние рефлексологии на социологию П. Сорокина

В начале XX в. многими считалось бесспорным, что социология с ее краткой дисциплинарной историей должна иметь основу в более развитых дисциплинах. На роль такого основания рассматривались биология, физиология и психология. Старое научное описание рефлекса и рефлекторной дуги (Декарт, 1596—1650) в связи с формированием относительно нового объекта изучения — поведения стало активно развиваться благодаря использованию новых экспериментальных методов изучения нервной системы — проводящей функции нейронов. Теория рефлекса уже в разработке Декарта обеспечивала системно-теоретический подход к исследованию поведения человека в окружающем мире, но таила в себе опасность механистической редукции ментальных феноменов к физиологическим поведенческим реакциям.

В 1920 г. в рецензии на «Систему социологии» Кареев отмечает, что уже определились первые профессиональные социологи (среди которых выделяется эрудит Сорокин), не следующие за научными установками своих учителей [Кареев, 2014, с. 97—99]. Сорокин начитан в работах основателей русского и американского бихевиоризма. Книга «Система социологии» заслуживает высокой оценки, ведь в те годы мало кто мог предложить целостную систему молодой науки. О его высокой заинтересованности сочинением говорят две небольшие рецензии на издание и два подробных устных выступления о ней на заседании Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского в сентябре 1920 г. и на диспуте в Петроградском университете 22 апреля 1922 г.

Обратимся к некоторым обстоятельствам вхождения бихевиоризма в социологию. Его предыстория прослеживается в европейской научной традиции с XVI в. (Ф. Бэкон) и далее (Р. Декарт), а его история в России — с исследований физиолога И. М. Сеченова (1829—1905), учившегося в Германии и привезшего оттуда техни-

² Здесь и далее Кареев цит. по: [Долгова, 2017].

ку для измерения электропроводных свойств нервных тканей биологического организма. В 1863 г. он опубликовал труд «Рефлексы головного мозга» о результатах своих физиологических экспериментов. Его теоретическое описание рефлекторной дуги впечатляет читателя своей простотой: внешнее раздражение (звуковое, световое, тактильное, вкусовое или иное) передается по сенсорному нейрону в центральную нервную систему, а по моторному нейрону управляющий электрический импульс поступает к мышце, вызывая ее сокращение. Как известно, автор «Рефлексов...» поначалу озаглавил свою рукопись «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы», что звучит как редукционизм в буквальном смысле этого термина. Именно по этой причине из-за возражений цензуры труд был опубликован лишь в медицинском специализированном журнале. Однако от этого влияние сочинения Сеченова на общественность не уменьшилось.

В нем были заложены естественнонаучные основы исследования функций центральной нервной системы, формирующих поведение, без привлечения спекулятивных суждений. В книге использовалось теоретическое описание причинно-следственных связей по их следствиям. Отмечается обилие построений такого же типа у Сорокина в его рассуждениях о социальном поведении. «Известна зависимость актов человека от его физиологического и нервно-мозгового состояния (характера психических переживаний). Когда людям грустно — они плачут, когда весело — смеются... Эта функциональная связь между нервно-мозговым и физиологическим состоянием (“независимая переменная”) и между характером внешних поступков — доступных наблюдателю внешних рефлексов поведения (“функция”) — общеизвестна и несомненна, — пишет Сорокин и продолжает: — Менее известна широкой публике, но столь же несомненна обратная зависимость физиологического и нервно-мозгового состояния (психических переживаний) от характера выполняемых человеком внешних актов поведения — зависимость, где эти акты служат “независимой переменной” функционального ряда, а физиологическое и нервно-мозговое состояние — “функцией” первых... Наличие такого рикошетного влияния не подлежит сомнению. Часто достаточно рассмеяться, чтобы вызвать “веселое” настроение...» [Сорокин, 1994, с. 344]. Так начинающий социолог Сорокин уравнил активное и реактивное поведение, чем усилил основания для признания его теоретической позиции о социальном поведении и взаимодействии — спорной.

Некорректность этой позиции, по Карееву, состоит в том, что она распространена на все поведение, включая его культурную детерминацию как «*sui generis*»³. Из расширения роли рефлексов в регуляции поведения следует монистический естественнонаучный подход к его изучению. В противном случае социальное поведение будет интерпретироваться исходя из множества уровней реальности. При этом кареевский плюрализм иной, нежели теория факторов М. М. Ковалевского и его ученика П. А. Сорокина. У Кареева речь идет о разнородных самостоятельных формах социального бытия (биологической, психической и социальной реальности).

Продолжая рассмотрение причин влиятельности русской школы физиологии на социологию, сделаем небольшой экскурс в учение Сеченова. Полагая, что *все* поведение человека рефлекторно, Сеченов считает, что и волевой акт рефлекторен. Если человек полагает, что действует свободно, то, по Сеченову, произвольное по-

³ Своеобразный, в своем роде (*лат.*).

ведение — лишь сложная конструкция, комплекс безусловных и условных (сочетательных) рефлексов, отвечающих на внешние раздражители. «Итак, бесстрастное хотение, каким бы независимым от внешних влияний оно ни казалось, в сущности столько же зависит от них, как любое ощущение...». Например, привычка — «мысль очень крепкая от частоты повторения рефлекса, — полагает И. М. Сеченов и продолжает: — Высокий нравственный тип <...> может действовать так, как он действует, только потому, что руководится высокими нравственными принципами, которые воспитаны в нем всею жизнью. Раз такие принципы даны — деятельность его не может иметь иного характера: она есть роковое последствие этих принципов» [Сеченов, 2013, с. 120–121].

В цитированном фрагменте содержится самостоятельная научная программа переделки поведения человека согласно высоким нравственным принципам. По Сеченову, поведенческий репертуар можно формировать, связывая условные рефлексы с безусловными так, чтобы охватить нравственные принципы, — многократно повторяемая идея этой научной программы. Следствие из нее, т. е. теоретическая возможность обеспечить надежную связь воли и нравственности — «нравственную силу воли» [Там же, с. 38, 42, 64–65, 120] без обращения к «психической реальности» (Фрейд) как избыточному фактору — цель русской школы физиологии, разделяемая Сорокиным и критикуемая Кареевым.

Научной программе И. М. Сеченова следуют оба крупных российских физиолога — И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, не менее увлеченные ее идеей формирования высоконравственного поведения человека. Академик И. П. Павлов, отметив, что «деловой американский ум, обращаясь к практике жизни, нашел, что важнее точно знать внешнее поведение человека, чем гадать об его внутреннем состоянии, со всеми его комбинациями и колебаниями», подчеркнул особенность русской науки о поведении, состоящей не в отказе от психологии, а в ее новом теоретическом описании на основе объективных данных физиологии. Этот факт подтверждает историк психологии М. Г. Ярошевский: «...У Павлова речь шла не о редукции, не о сведении высших творений человеческого духа к феноменам, которые изучались на собачках, а о проникновении естественнонаучной мысли в законы поведения живых существ, которые служат реальным, земным фундаментом возведения на них высших форм человеческой активности и тем самым — преодоления рисуемой дуалистами картины, где над живой природой и человеком как частью биосферы витает бестелесный дух. Соединение законов природы с ориентацией поведения на мир духовных ценностей — одна из неотъемлемых особенностей русского пути в науке о поведении» [Ярошевский, 1986, с. 11].

Однако в рефлексологию Павлов пришел, изучая слюнный рефлекс, отмечает историк психологии А. Г. Чудиновских, в то время как Бехтерев стремился как можно полнее познать человека, что требовало умения разбираться в вопросах социологии [Чудиновских, 2000, с. 99]. Слюнный рефлекс труднее включить в теоретическую социологию, чем факт разнообразия наблюдаемого поведения. Поэтому обращение Сорокина прежде всего к рефлексологии по Бехтереву является логичной попыткой поставить социологию на естественнонаучную основу. Этому способствовала ориентация Бехтерева в философских вопросах естествознания [Бехтерев, 2012, с. 9–23]. Для него вульгарно-материалистическое высказывание о том, что «мозг вырабатывает мысль, подобно выработке желчи печенью», — «детский лепет» [Бехтерев, 2012, с. 48]. Он считает, что «психическое и физическое суть два несоизме-

римых между собой, не допускающих никаких непосредственных переходов одно в другое» феномена [Бехтерев, 2012, с. 52], — мысль, оформленная в его концепции психофизического параллелизма. Концепция позволяет исключить из рассмотрения поведения все субъективные моменты психики и развивать «объективную психологию» как прикладную рефлексологию [Бехтерев, 1991]. Этим методологическим приемом процессы сознания («субъективной психологии») как реальность не отрицаются, а заключаются в своеобразные теоретико-познавательные скобки. Однако Бехтерев был не вполне последователен, включив в свою науку понятие «скрытой непознаваемой энергии», открывающее некоторый простор спекулятивным суждениям. «Все так называемые психические образы (ощущения, чувствования, представления и пр.) суть лишь внутренние знаки тех количественных превращений, которым подвергается скрытая энергия в нас самих при внешних воздействиях на наши органы чувств» [Бехтерев, 2012, с. 53]. По Бехтереву, необходимо реформировать психологию, исключив из нее все ссылки на сознание [Бехтерев, 1991, 1994]. То, что после этого остается от психологии, и есть рефлексология. При исследовании массового среза поведения она становится коллективной рефлексологией [Бехтерев, 1994].

Встречное обращение социологов к результатам русской школы физиологии в начале XX в. поддерживало не только поиски научной опоры для социологии и гуманистические ценности крупных физиологов, но и их антикапиталистические политические установки. В 1901 г. на III съезде психиатров России Бехтерев заявил, что наш «нервный век» обязан своим названием всей совокупности условий, которые связаны с современной капиталистической цивилизацией, к которой он, Бехтерев, относится критически. В то же время в 1905 г. Сорокин вступил в крестьянскую политическую партию эсеров.

Контакты между Бехтеревым и Сорокиным в связи с рефлексологией прослеживаются с 1909 г., когда Сорокин стал студентом Психоневрологического института (далее — Институт), основанного Бехтеревым. Институт придерживался междисциплинарной ориентации. Сорокин указывает на нее в своих воспоминаниях: «Именно изучением трудов, работой на семинарах, личными дискуссиями с такими профессорами, как Е. Де Роберти, М. М. Ковалевский и В. М. Бехтерев в институте, Леон Петражицкий, М. И. Ростовцев, И. П. Павлов, Н. Розин и другие в университете, я добился репутации выдающегося студента и многообещающего молодого ученого...» [Сорокин, 1992, с. 52–53]. Значимость сотрудничества с Бехтеревым подтверждается следующими фактами: в Институте под руководством П. А. Сорокина организована первая в России социологическая лаборатория «Рефлексология социальных групп» [Глов, 2010, с. 131]; с 1920 г. Сорокин работает в возглавляемом Бехтеревым Институте по изучению мозга и психической деятельности (далее — Институт мозга), руководя там лабораторией рефлексологии профессиональных групп.

Есть и связи теоретического плана. К ним можно отнести идеи научно-фантастического романа Сорокина «Прачечная человеческих душ» (1917). В его сюжете узнаваема научная программа русской школы в физиологии вплоть до ее авторов и последователей, гипнотического метода перевоспитания преступника по Бехтереву и механистический редукционизм: логическая машина, способная «механически проверить правильность любого суждения»; «мотор психический». Сюда следует отнести и три статьи 1915–1916 гг., примыкающие к «Прачечной» (см. подробнее: [Сатов, 2017]). Нет сомнения в том, что все эти идейные указатели были хорошо

известны Бехтереву, Карееву и другим, так как социологической литературы было мало, ее читали все и полностью.

В 1918 г. Бехтерев опубликовал книгу «Общие основы рефлексологии» по материалам лекций, прочитанных им в Институте, а Сорокин в начале 1919 г. — короткую рецензию на нее [Сорокин, 1919], в которой отмечается поворот от субъективной к объективной психологии как общая тенденция, представленная в России Павловым и Бехтеревым. «С этой точки зрения книга В.М. Бехтерева чрезвычайно ценная и интересная, — пишет Сорокин. — Она как бы подводит краткий итог завоеваниям “объективной психологии” или “рефлексологии”. По тому, что достигнуто на этом пути, можно сказать, что будущая психология пойдет именно этим путем, а не будет топтаться на месте, как она делала это до сих пор. Этот переход от “субъективной психологии” к “объективной рефлексологии” замечается и в социологии» [Сорокин, 1919, с. 29]. Вот теоретическая позиция Сорокина, вошедшая в его «Систему социологии».

В рецензии есть элементы критики рефлексологии Бехтерева по существу. С одной стороны, поддерживается предложение удалить из психологии и социологии все субъективное, с другой — Сорокин отмечает слишком прямолинейное сведение сложных форм деятельности к «упрощенным схемам», т. е. редукционизм. Критикуется и понятие «психической энергии» Бехтерева, его «спорные «законы» общественной жизни [Сорокин, 1919, с. 30]. В статье о русской социологии в 1918–1920 гг., цитированной выше, эта критика воспроизводится лишь немного подробнее, не будучи расширенной по существу [Сорокин, 2000, с. 24].

В том же 1920 г. Сорокин выпустил в свет два тома «Системы социологии». В краткой рецензии 1-го тома Кареев ограничился лишь указанием на научную несостоятельность коллективной рефлексологии, обещая читателю написать развернутую критическую статью о двухтомнике Сорокина [Долгова, 2008, с. 854].

Тогда же, в 1920 г., Сорокин устраивается на работу в Институт мозга, делает там доклад на тему «Предмет рефлексологии социальных групп, ее методика и задачи», назначается заведующим лабораторией коллективной рефлексологии социальных групп, избран в члены Совета института [Сидорчук, 2016, с. 5, 473, 475, 477, 490; Отчет, 1921]. Отсюда также следует, что личного конфликта между учеными не было, но была поддержка начинающего социолога Сорокина академиком Бехтеревым. Следовательно, речь идет лишь о научной полемике, в которой Сорокин «был всегда беспощаден к своим оппонентам» [Зюев, 2019, с. 8].

Критика Кареевым рефлексологического подхода в социологии

К сентябрю 1920 г. подробная рецензия Н. И. Кареева на оба тома «Системы социологии» была готова и зачитана как устный доклад на заседании Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского. Текст рецензии опубликован Е. А. Долговой [Долгова, 2014]. Он, повторим, является важным недостающим звеном в оценке влияния критики Кареева на научную позицию молодого социолога Сорокина. Важны и заметки Кареева к диспуту о «Системе социологии» 22 апреля 1922 г.

В «Системе социологии» Сорокин, проследив спор между психологами старой школы («субъективистами») и новыми «объективистами», приходит к такому его

решению: «Для меня нет сомнения в том, что научные минусы, указываемые объективистами, в значительной мере правильны. Но вместе с тем я не могу согласиться на то, чтобы исключить начисто психические переживания из области изучения. Для этого время еще не пришло. Быть может, в будущем с развитием точных, объективных дисциплин это и удастся. По крайней мере лично я этого хотел бы, и есть основания думать, что прогресс науки ведет в этом направлении... Остается поэтому один путь: *свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу субъективно-психических переживаний...*» [Сорокин, 2008, с. 81].

В 1921 г. вышло в свет новое издание книги Бехтерева «Коллективная рефлексология», в котором автор высоко оценивает «Систему социологии» Сорокина и поддерживает его удачную подборку примеров социального поведения, подтверждающих основные положения рефлексологии. Он цитирует приведенное выше решение спора в психологии и делает только одно принципиальное замечание: социологическая концепция Сорокина двойственна. Автор не вполне оставил субъективизм в социологии в пользу количественных объективных методов изучения социального взаимодействия. «Пока еще слишком несовершенны и незначительны данные, добытые “объективизмом”...», — цитирует Бехтерев «Систему социологии» Сорокина и напоминает читателю об эффективности описания поведения по рефлексам [Бехтерев, 1994, с. 54].

В свою очередь в развернутой рецензии Кареев цитирует то же самое место из «Системы социологии» Сорокина, что и Бехтерев, также отмечает половинчатость научной позиции Сорокина, но критикует ее за намерение свести к минимуму обращения к методам «субъективной» психологии, а в перспективе и совсем исключить их из науки. «Не отрицая существования психики, он предпочел бы, однако, обходиться в социологии без изучения чужих субъективных переживаний, если бы это было возможно, — цитирует и комментирует Сорокина Кареев, давая его научной позиции следующую оценку: — <...> но это — не [принципиальное] решение спора, а компромисс половинчатого характера: в теории я, дескать, согласен с мнением одних, но на практике буду держаться мнения других». Кареев замечает: «Вообще П. А. Сорокин, очень определенный и решительный в других вопросах, в этом вопросе производит впечатление, какое мы получаем от человека, колеблющегося на занятой им позиции. При том “хотении”, в котором он сам признался, можно было бы ожидать, что он будет постоянно против, [как он выражается,] “загрязнения” <...> социологии психологизмом, но на деле этого нет» [Долгова, 2014, с. 101–102].

Выступая 22 апреля 1922 г. в качестве оппонента на публичном диспуте о «Системе социологии», Кареев продолжает критиковать половинчатую позицию Сорокина. Он сравнивает его модель поведения человека с бильярдным шаром или «граммофоном со сменяемыми пластинками» [Долгова, 2017, с. 264–266]. Считая Сорокина «тонким аналитиком», Кареев отмечает, что все портит «элиминирование внутренних переживаний», в результате чего его рассуждения становятся «слишком механистичными».

Как отмечает Е. А. Долгова, для диспутанта Сорокина выступление Кареева, вице-президента Международного института социологии, председателя Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского, было наиболее важным [Долгова, 2017, с. 256]. Следовательно, не менее важным для него было и выступление Кареева на заседании Русского социологического общества в сентябре 1920 г., в ко-

тором заявлено: «...рефлексологизм в понимании реакций на акции для меня совершенно неприемлем» [Долгова, 2014, с. 107]. В чем же заключается важность мнения Кареева и его убедительность помимо авторитетности этого ученого?

Во-первых, он отмечает, что в последние десятилетия в теоретической социологии наблюдается синтетическая тенденция. Даже в экономическом материализме идет «сближение с психологическим направлением». Следовательно, не отказ от субъективно-психологического подхода, а его интеграция в общую тенденцию выражает перспективу развития социологии. Во-вторых, новым предметом изучения стало поведение, в чем преуспели американская и итальянская социологии [Долгова, 2014, с. 97], но Сорокин находится под влиянием новаторской американской науки о поведении, «не считавшейся с традициями старой европейской социологии». В связи с этим Кареев критически замечает, что Сорокин — нетрадиционный теоретик и для него «органическое, и дарвинистское, и материально-экономическое направление — давно уже преодоленные штандпункты⁴» [Долгова, 2014, с. 98, 99].

В-третьих, Кареев признается слушателям своего доклада-рецензии, что «сам давно уже разлагал всю культуру (как духовную, так и особенно общественную) на единичные акты взаимодействия между людьми, или на их “акции” и “реакции”», т. е. искал элементарное социальное явление и обнаружил в его качестве социальное взаимодействие, что объединяет его точку зрения с сорокинской. Кареев оговаривается: «Боюсь только, что мы не сойдемся здесь в одном важном пункте». По мнению автора, задача времени — освободиться от этого «психологического субъективизма». Раз, думает он, «психология из науки о неуловимых состояниях сознания превращается в объективную науку о поведении человека, или в рефлексологию или в физиологию нервной системы», то и «социология должна постепенно превратиться из науки о психических реальностях в объективную дисциплину, изучающую <...> доступные наблюдению <...> акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных» [Долгова, 2014, с. 100].

В-четвертых, что самое важное, Кареев демонстрирует глубокое знание проблематики рефлексологии и доказывает в связи с этим в рецензии участие сознания как самостоятельной психической инстанции в выработке поведенческого акта. Рассмотрим его доказательство подробнее.

«Я нахожу, что в исследовании П. А. Сорокина есть важный пробел, — пишет Кареев: — Классифицируя (притом очень подробно) <...> “виды взаимодействия в зависимости от характера актов”, он, между прочим, говорит о взаимодействии сознательном и бессознательном, об интеллектуальном, чувственно-эмоциональном и волевом, но везде <...> акт восприятия влияния индивидом и его реакция рассматриваются как *один момент* (курсив мой. — Н. Г.), тогда как подобные случаи бывают лишь в чисто механических явлениях и лишь в явлениях рефлекторных. Катится по бильярду выточенный из кости шар и задевает другой такой же шар, который тоже приходит в движение: вот акция А и реакция В. Сонному человеку садится на лоб муха (акция), и у него происходит сокращение соответственного // (л. 22) мускула (реакция) <...> Все это такие случаи, когда схема П. А. Сорокина вполне применима: между актами восприятия и реагирования на них *нет особого промежуточного момента* (курсив мой. — Н. Г.). Но вот такой случай: А оскорбляет В, но В по той или другой причине не реагирует немедленно, а хранит обиду в сердце сво-

⁴ Точки зрения (нем.).

ем и долго думает о том, как и когда отомстить обидчику, т. е. между обидой-акцией и мстью-реакцией существует длительное психическое переживание, которого не было бы, не будь обиды, и без которого не было бы, в свою очередь, мести» [Долгова, 2014, с. 105–106].

Далее Кареев формализует оба случая взаимодействия, принципиально различая их, следующим образом: 1) $A + R$ либо 2) $A + (M) + R$, где A (action) — внешнее воздействие на человека; R (reactio) — его поведенческая реакция; $+$ — причинная связь между ними; M (mens) — сознание, психика, причем «заключение этой буквы в скобки // (л. 23) символизирует его психическую (скрытую, внутреннюю природу)...» [Долгова, 2014, с. 106]. Таким образом, Кареев различает два рода поведенческих реакций; реакции второго рода — при участии сознания как особой психической инстанции. Длительность *задержки* реакции во втором случае прямо указывает на работу сознания при формировании поведенческой реакции. И далее: «П. А. Сорокин совершенно игнорирует⁵, а между тем такая категория психических взаимодействий имеет громадное значение... Он вообще смотрит на этот предмет слишком рефлексологично: только под влиянием такой ориентации он и мог выразить желание, чтобы когда-нибудь психические моменты были вытравлены из социологии» [Долгова, 2014, с. 105–106].

Таким образом, по Карееву, Сорокин не различает типы детерминации социальных действий, признает лишь единый и сводит его к первому типу, упускает из виду средний член формулы (M), оставляя в силе лишь внешние воздействия и ответные реакции. Поэтому и социальное взаимодействие у него теоретически раскрыто по рефлексологии Бехтерева. Различение двух типов социального взаимодействия является крупным вкладом Кареева в дифференциацию теории социального действия и теории социального поведения, который до сих пор не оценен ни в теории, ни в истории социологии. Здесь можно лишь кратко отметить, какое значение имеет задержка поведенческой реакции. Если Бехтерев объясняет ее участием в передаче электрического сигнала по эфферентному нейрону химической реакции, на что и уходит некоторое время [Бехтерев, 2012, с. 201], то Кареев объясняет задержку поведенческой реакции так же, как известный социолог-бихевиорист, основоположник символического интеракционизма Дж. Г. Мид, — участием сознания, мышления в выработке плана поведенческого акта (ср.: [Мид, 2014]).

Убедительные аргументы и бесспорные примеры участия сознания и воли в выработке поведения не привели к немедленному оставлению Сорокиным рефлексологической научной позиции. После знакомства с развернутой рецензией Кареева и диспута 1922 г. Сорокин продолжает обращаться к рефлексологии. С таких позиций написана книга «Социология революции» (готовилась в 1923 г.); в те же годы создана рукопись книги «Голод как фактор» [Сапов, Сычева, 2014, с. 11]. Знарок творчества Сорокина В. В. Сапов полагает, что «многое, написанное Сорокиным в 1919–1922 годах, написано <...> как бы по инерции» [(Сапов, 1994, с. 545) на фоне ухода автора в политику. Мы же на основании исследования двух названных книг полагаем, что критика рефлексологии Кареевым ограничила использование рефлексологического подхода как основания всей «системы социологии» до исследований массового поведения в экстремальных условиях революции и голода.

⁵ Психику. — Н. Г.

В книге «Современные социологические теории» (1928) Сорокин все еще рассматривает Бехтерева и Павлова как создателей перспективной «объективной психологии». Он повторяет здесь критику рефлексологии Бехтерева по тем же пунктам, что и в рецензии 1919 г., и в статье 1922 г., а именно: первая часть книги Бехтерева содержит ценные идеи, но вторая часть представляет собой «карикатуру на научные законы, в которых искажены значения законов физики и химии, а также социальных фактов» [Sorokin, 1928, p. 35]. «В свою интерпретацию социальных явлений он просто включает все законы физики, механики, химии и биологии, что может найти» [Ibid, p. 19]. С такой оценкой невозможно не согласиться, ознакомившись с этими законами⁶. Критикуя тезис о том, что «законы свёрхорганических, то есть социальных, явлений такие же, как законы неорганических и органических явлений (курсив мой. — Н. Г.)», Сорокин уже разделяет взгляды Кареева на реальность как многоуровневую. И все-таки рефлексология так просто не оставлена.

6 марта 1927 г. Сорокин почтительно обращается к акад. И. П. Павлову с просьбой направить ему в США его новые книги о высшей нервной деятельности [Дойков, 2009, с. 144] и на страницах «Современных социологических теорий» благодарит за них [Sorokin, 1928, p. 618]. Это обращение к Павлову, но не к Бехтереву может подтверждать интерес Сорокина к учению Павлова о второй сигнальной системе, т. е. переориентацию автора в рамках все еще физиологического обоснования социального поведения, хотя в рассматриваемой книге Сорокина Бехтерев тоже цитируется. Следовательно, критика рефлексологии Кареевым повлияла, прежде всего, на смену ориентации Сорокина в пределах рефлексологии и в направлении символического интеракционизма. В этом и состоит существенный вклад Кареева в эволюцию рефлексологической научной позиции Сорокина и критику им механистического редукционизма. «Наименее серьезная и наименее ценная из этих работ — “Коллективная рефлексология” Бехтерева», — полагает Сорокин, оценивая механистическую школу в социологии [Sorokin, 1928, p. 34]. Получается, что Сорокин уже разделяет мысль Кареева о качественном своеобразии уровня культурной детерминации социального поведения. «Они (механистическая школа в теоретической социологии. — Н. Г.) изучают социальные явления только как чисто физические проявления. Все, что характерно для социальных фактов, и все, что отличает их от неорганических веществ, фактически исключается из исследования. Человек просто превращается в простую физическую массу; факты общественной жизни, поведения человека, героизма, преступности, любви, ненависти, борьбы, сотрудничества, организации, этики, религии, искусства, литературы и так далее — все это превращается в простую “физическую массу” <...> Таким образом, все, специфичное для социальных явлений, теряется...» [Sorokin, 1928, pp. 33–34], но Сорокин, судя по его сводной рецензии 1932 г., продолжает внимательно следить за развитием рефлексологии в Советской России [Sorokin, 1932].

⁶ «Всего у него 23 таких закона, регулирующих социальные явления: закон сохранения энергии, пропорциональности соотношения движения к движущей силе; тяготения, отталкивания, равенства действия с противодействием; сходства или гомологии, ритма, инерции, непрерывности движения и изменений, энтропии, относительности, эволюции, дифференциации, воспроизводства, избирательного обобщения, исторической последовательности, экономии, приспособления, взаимодействия, компенсации, зависимых отношений, индивидуальности и другие “законы”» [Sorokin, 1928, p. 19]; ср.: [Бехтерев, 1994, с. 191–352].

В односторонней «Социальной и культурной динамике» (1957) Сорокин не обращается к идеям Бехтерева. Правда, в связи с рефлексом свободы им рассматривается материал акад. Павлова, но Сорокину уже «неважно, действительно ли существует такой рефлекс или нет», — свобода важна как жизненная ценность [Сорокин, 2017]. Отношение к рефлексологии в целом становится критическим [Там же, с. 313–314, 453–454, 724]. Сорокин, как и Кареев, уже готов «видеть в состояниях сознания нечто отличное от рефлексов» [Долгова, 2014, с. 100–101], например, он ссылается на интуитивное знание [Сорокин, 2017, с. 717]. Этот поворот от рефлексологии к культурной детерминации поведения подтверждается материалами Сорокина после 1961 г. [Зюзев, 2019, с. 13].

Заключительные замечания

Как Бехтерев, так и Кареев в своих рецензиях отметили половинчатость научной позиции автора «Системы социологии» в решении вопроса об основаниях социологической теории поведения. В решении этой проблемы влияние русской школы физиологии на социологию было велико. Сорокин был всецело увлечен рефлексологическим подходом к исследованию поведения по Бехтереву. Критические оценки его «Системы социологии» Кареевым и Бехтеревым раскрыли ее автору двойственность, половинчатость его научной позиции, обострили дилемму в вопросе о методах социологии.

Кареев существенно повлиял на эволюцию научной позиции Сорокина в направлении признания особой значимости культуры в детерминации поведения. Он оказался прав и дальновиден в том, что автор «Системы социологии» примкнет к психологическому, а не к биологическому либо вульгарно-экономическому объяснению общественных явлений, примет в расчет волевою составляющую социального поведения. Под влиянием Кареева (и не только, причин много) Сорокин сузил область рефлексологических объяснений до массового поведения в обществе в экстремальных состояниях, а затем практически полностью оставил их.

«Система социологии» П. Сорокина позволяет не только зафиксировать отход Сорокина от бихевиоризма как основного методологического принципа, но и указать направление его дальнейшей теоретической работы — это продолжение развития системы общей социологии. В июне 1923 г. в предисловии к сокращенному (пражскому) изданию «Системы...» автор отмечает ее аналог, в частности, с разработкой Кёльнского Социологического института в лице его директора Л. фон Визе (цит. по: [Санов, 1994, с. 88]), который одновременно с Сорокиным развивал свою «Систему общей социологии». В связи с этим в дальнейшем Сорокин наладил с ним деловые и дружеские отношения, продолжавшиеся всю жизнь. Они способствовали дальнейшему изменению основной методологической ориентации, расширили возможности интеграции Сорокина не только в американское, но и в европейское, в частности в немецкое, социологические сообщества.

В статье рассмотрен лишь один, но важный эпизод истории российской и мировой социологии. Он реконструирован в связи с полемикой о «Системе социологии» Сорокина в России. Научные дебаты, рассмотренные выше, раскрывают малоисследованный процесс дифференциации теоретических направлений в социологии и даже выделение целых научных дисциплин. Из вышеизложенного становится яс-

нее, каким образом и почему теоретико-поведенческая социология и исследования поведения стали двумя самостоятельными научными дисциплинами, и не только: данная полемика содержит все еще недостаточно исследованный материал о началах формирования теории социального взаимодействия, более того — о процессе институционализации общей социологии.

Литература

Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология // Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 18–354.

Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. 474 с.

Бехтерев В. М. Философские воззрения на природу душевной деятельности // Бехтерев В. М. Психика и жизнь. М.: Книжный клуб Книговек, 2012. С. 9–23.

Глотов М. Б. Начало институционализации социологии в России // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 127–133.

Дойков Ю. В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968). Архангельск, 2009. 488 с.

Долгова Е. А. Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ. Ф. 119. Н. И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2–54. Автограф. Подлинник. Черновик) // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 95–120.

Долгова Е. А. «Начинаю ходатайствовать о выезде за рубеж...»: о планах П. А. Сорокина в 1922 году // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сборник научных трудов / Отв. ред. П. А. Трибунский. М.: Азбуковник, 2017. С. 254–271.

Золотарев В. П. Н. И. Кареев и П. А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 87–88.

Зюзев Н. Ф. Предисловие // Сорокин П. А. Черновики Питирима Сорокина: сборник архивных материалов ученого / Сост. Н. Ф. Зюзев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 6–8.

Кареев Н. И. Книга о социальной аналитике. Проф. П. А. Сорокин. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Петроградское издательское товарищество «Колос», 1920. XIV, 360 с. // Сорокин П. А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 853–855.

Мид Дж. Г. Философия настоящего = The Philosophy of the present. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 271 с.

Отчет о работах Института по изучению мозга и психической деятельности (с июля 1919 года по январь 1921 года) // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. № 3. С. 472–500.

Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Книга по Требованию, 2012. 661 с.

Сапов В. В. Комментарии // Сорокин П. А. Система социологии / Вступ. статья, сост. и комм. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2008. С. 885–917.

Сапов В. В. Питирим Сорокин: писатель, поэт, садовод // Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ: художественные произведения. 1907–1923 / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. В. Сапова и М. В. Ломоносовой. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. С. 7–22.

Сапов В. В. «Творческая эволюция» Питирима Сорокина // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 541–550.

Сапов В. В., Сычева В. С. Судьба книги — судьба автора // Сорокин П. А. Голод как фактор. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. С. 7–12.

Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М.: Книжный дом «Либроком»: URSS, 2013. 125 с.

Сидорчук И. В. В. М. Бехтерев и П. А. Сорокин: к истории возникновения конфликта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и ис-

кустествоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (74): В 3 ч. Ч. 1. С. 162–165.

Сорокин П. А. Рецензия: Бехтерев В. М. Общие основания рефлексологии. Пг., 1918. 163 с. // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4–6. С. 29–30.

Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.

Сорокин П. А. Общеизвестный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.

Сорокин П. А. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Сорокин П. А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. С. 23–28.

Сорокин П. А. Система социологии / Вступ. статья, сост. и комм. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2008. 1003 с.

Сорокин П. А. Черновики Питирима Сорокина: сборник архивных материалов ученого / Сост. Н. Ф. Зюзев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. 140 с.

Чудиновских А. Г. В. М. Бехтерев: жизнеописание. Киров: Триада-С, 2000. 255 с.

Sorokin P. Allgemeine lebensgesetzliche Grundlagen der Gesellschaft. Biological Basis of Society: Rewiev // Sociologus: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. № 4. S. 457–459.

Sorokin P. Contemporary Sociological Theories through the First Quarter of the Twentieth Century. New York et al.: Harper and Row, 1956. XX, 783 p.

“Reflexology Is Completely Unacceptable to Me”: the Influence of N. I. Kareev’s Criticism to the Theoretical Basis of P. A. Sorokin’s “A System of General Sociology”

NIKOLAY A. GOLOVIN

St Petersburg State University, Department of Theory and History of Sociology,
St Petersburg, Russia
e-mail: n.golovin@spbu.ru

Behavioral sociology is a Russian-American scientific “joint venture” of the early twentieth century, to which the young sociologist P. A. Sorokin tried to join by publishing the essay “The System of Sociology”. It was supported by the author of the collective reflexology theory, physiologist V. M. Bekhterev, with a reservation for a methodological concession to the psychology of the subject. The prominent historian and sociologist N. I. Kareev prepared two journal reviews of Sorokin’s book and two detailed oral speeches about it with support for the proposed sociology system, but criticizing the author’s half-scientific position expressed in an unsuccessful attempt to implement a theory of social behavior based on reflexology. N. I. Kareev criticizes Sorokin’s sociology system for his fascination with collective reflexology as the foundation of sociology. In the most detailed review of “Systems of Sociology” P. A. Sorokin, prepared in the fall of 1920 and read in the form of an oral report at a meeting of the Russian Sociological Society named after M. M. Kovalevsky, it is proved that the scientific position of the author is contradictory, controversial, not quite logically consistent. Kareev revealed the author’s fluctuations between reflexology and subjective psychology. The influence of Bekhterev and Kareev on Sorokin’s theoretical position in the future is traced in detail. Sorokin’s books “Modern Sociological Theories” (1928) and “Social and Cultural Dynamics” (1937–1941) are considered as stages in Sorokin’s departure from reflexology under the influence

of Kareev. As a result, an important missing fragment of the history of theoretical sociology was reconstructed. Its modern theoretical and sociological assessment of the considered fragment of the scientific movement is given.

Keywords: V. M. Bekhterev, N. I. Kareev, P. A. Sorokin, collective reflexology, history of sociology, Saint Petersburg scientific school of sociology, theory of social behavior.

Acknowledgments

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 20-011-00451 «P. A. Sorokin and German sociology: personal contacts and history of mutual influence (1923–1957)». I express my gratitude to the professor of St. Petersburg State University Ivan B. Mikirtumov for consultations on the logical structure of the theory.

References

Bekhterev, V. M. (1994). *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective Reflexology], in: Bekhterev, V. M., *Izbrannye raboty po sotsial'noy psikhologii* [Selected Works on Social Psychology], Moskva: Nauka, pp. 18–354 (in Russian).

Bekhterev, V. M. (1991). *Ob'yektivnaya psikhologiya* [Objective psychology], Moskva: Nauka (in Russian).

Bekhterev, V. M. (2012). *Filosofskie vozreniya na prirodu dushevnoy deyatel'nosti* [Philosophical views on the nature of mental activity], in: Bekhterev V. M., *Psikhika i zhizn'* [Bekhterev, V. M. Psyche and life], Moskva: Knizhnyy klub Knigovek, pp. 9–23 (in Russian).

Chudinovskikh, A. G. (2000). *V. M. Bekhterev: zhizneopisaniye* [V. M. Bekhterev. Biography], Kirov: Triada-S (in Russian).

Doikov, Yu. (2009). *Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya* [Pitirim Sorokin. Man out of season. Biography], t. 2 (1922–1968), Arkhangel'sk (in Russian).

Dolgova, E. A. (2014). Dva novykh nauchnykh truda po sotsiologii (NIOR RGB. F. 119: N. I. Kareev. K. 43. D. 9. L. 2–54 [Two new scientific works upon sociology (NIOR RGB. F. 119: N. I. Kareev, k. 43, d. 9, pp. 2–54. Autograph. Script. Draft], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 95–120 (in Russian).

Dolgova, E. A. (2017). “Nachinayu khodataystvovat' o vyyezde za rubezh...”: o planakh P. A. Sorokina v 1922 godu [I am starting to apply for going abroad...”: about P. A. Sorokin's plans in 1922], in: *Rossiyskoe nauchnoye zarubezh'ye: lyudi, trudy, institutsii, arkhivy: sbornik nauchnykh trudov* [Russian scientific foreign countries: people, works, institutions, archives: collection of scientific papers], ed. by P. A. Tribunskiy, Moskva: Azbukovnik, pp. 254–271 (in Russian).

Glotov, M. B. (2010). Nachalo institutsionalizatsii sotsiologii v Rossii [The beginning of the institutionalization of sociology in Russia], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 3, pp. 127–133 (in Russian).

Kareev, N. I. (2008). *Kniga o sotsial'noy analitike. Prof. P. A. Sorokin. Sistema sotsiologii. Vol. 1. Sotsial'naya analitika. Petrogradskoye izdatel'skoye tovarishchestvo “Kolos”, 1920. XIV, 360 p.* [Book about social analytics. Prof. P. A. Sorokin. The system of sociology. T. 1. Social analytics. Petrograd Publishing Partnership Kolos, 1920. XIV, 360 pp.], in: Sorokin P. A. *Sistema sotsiologii* [System of sociology], Moskva: Astrel', pp. 853–855 (in Russian).

Mead, G. H. (2014). *Filosofiya nastoyashchego* [The philosophy of the present], Moskva: Izdatel'skiy dom VShE (in Russian).

Otchet o rabotakh Instituta po izucheniyu mozga i psikhicheskoy deiatel'nosti (s iyulia 1919 goda po yanvar' 1921 goda) [Report on the work of the Institute for the Study of the Brain and Mental Activities (from July 1919 to January 1921)] (1921), *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti*, no 3. pp. 472–500 (in Russian).

Pavlov, I. P. (2012). *Dvadsatiletniy opyt ob"yektivnogo izucheniya vysshey deyatel'nosti (povedeniya) zhitovnykh* [Twenty years of objective study of the higher nervous activity of animals], Moskva: Kniga po Trebovaniyu (in Russian).

Sapov, V. V. (1994). "Tvorcheskaya evoliutsiya" Pitirima Sorokina ["Creative Evolution" by Pitirim Sorokin], in: Sorokin P. A. *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'yi raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles of different years], Moskva: Nauka, pp. 541–550 (in Russian).

Sapov, V. V. (2008). *Kommentarii* [Comments], in: Sorokin P. A., *Sistema sotsiologii* [A system of General Sociology], ed. by V. V. Sapov, Moskva: Astrel' (in Russian).

Sapov, V. V. (2017). Pitirim Sorokin: pisatel', poet, sadovod [Pitirim Sorokin: writer, poet, gardener], in: Sorokin, P. A. *Prachechnaya chelovecheskikh dush: khudozhestvennyye proizvedeniya* [Sorokin, P. A. Laundry of human souls: Artworks 1907–1923], ed. by V. V. Sapov, M. V. Lomonosova, Syktyvkar: OOO «Anbur», pp. 7–22 (in Russian).

Sapov, V. V., Sycheva, V. S. (2014). *Sud'ba knigi — sud'ba avtora* [The fate of the book is the fate of the author], in: Sorokin P. A. *Golod kak faktor* [Hunger as a factor in human affairs], Syktyvkar: OOO «Anbur», pp. 7–12 (in Russian).

Sechenov, I. M. (2013). *Refleksy golovnogogo mozga* [Reflexes of human brain], Moskva: Knizhnyy dom "Librokom": URSS (in Russian).

Sidorchuk, I. V. (2016). V. M. Bekhterev i P. A. Sorokin: k istorii vozniknoveniya konflikta [V. M. Bekhterev and P. A. Sorokin: on the history of a conflict origin], in: *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], Tambov, no. 12 (74): v 3 ch., ch. 1, pp. 162–165 (in Russian).

Sorokin, P. A. (1919). Retsenziya: Bekhterev V. M. *Obshchiye osnovaniya refleksologii*, Pg., 1918. 163 s. [Review: V. M. Bekhterev. General grounds for reflexology, Pg., 1918. 163 p.], *Sotsiobibliograficheskyy vestnik*, no 4–6, pp. 29–30 (in Russian).

Sorokin, P. (1932) *Allgemeine lebensgesetzliche Grundlagen der Gesellschaft. Biological Basis of Society: Rewiev, Sociologus: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*. Jg. 8. No 4. pp. 457–459.

Sorokin, P. (1956). *Contemporary Sociological Theories through the First Quarter of the Twentieth Century*, New York et al.: Harper and Row.

Sorokin, P. A. (1992). *Dal'nyaya doroga: Avtobiografiya* [A long journey: the autobiography], per. i red. A. V. Lipskiy, Moskva: Mosk. Rabochiy; TERRA (in Russian).

Sorokin, P. A. (1994). *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'yi raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles of different years], Moskva: Nauka (in Russian).

Sorokin, P. A. (2000). *Sostoyaniye russkoy sotsiologii za 1918–1922 gg.* [The State of Russian Sociology for 1918–1922], in: Sorokin, P. A. *O russkoy obshchestvennoy mysli* [About Russian public thought], S.-Peterburg: Aleteiya, pp. 23–28 (in Russian).

Sorokin, P. A. (2008). *Sistema sotsiologii* [The system of sociology], red. V. V. Sapov, Moskva: Astrel' (in Russian).

Sorokin, P. A. (2019). *Chernoviki Pitirima Sorokina: sbornik arkhivnykh materialov uchenogo* [Drafts of Pitirim Sorokin: a collection of archival materials from a scientist], red. N. F. Zyuzev, Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina (in Russian).

Zolotarev, V. P. (2013). N. I. Kareev i P. A. Sorokin [N. I. Kareev and P. A. Sorokin], *Naslediye*, no. 3, pp. 87–88 (in Russian).

Zyuzev, N. F. (2019). *Predisloviye* [Foreword], in: Sorokin, P. A. *Chernoviki Pitirima Sorokina: sbornik arkhivnykh materialov uchenogo* [Pitirim Sorokin's draft copies. Selected Archive Materials], red. N. F. Zyuzev, Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, pp. 6–8 (in Russian).